

— Малыш, я провожу Учителя Цзяна. Стол не убирай, сам всё сделаю. Зайди в дом, включи кондиционер и набери в ванну горячей воды. Меня дождись, купаться будем вместе.

— И ещё: я сейчас выеду со двора, так что на улице не стой, сразу марш в тепло. Понял?

На дворе накрапывал мелкий зимний дождь. Цзян Хэ, раскрыв зонт, провожал Учителя Ли до машины, и Чжоу Цзыфэй спешил воспользоваться минутой, чтобы засыпать Шэнь Цзя бытовыми указаниями.

Шэнь Цзя послушно кивал, а его глаза в мягком свете крыльца лучились искренним теплом. Похоже, настроение у него было превосходное.

Постепенно Чжоу Цзыфэй сбавил тон, замолк и просто въелся взглядом в лицо любимого.

Заметив, что парень вдруг затих и не сводит с него глаз, Шэнь Цзя озадаченно коснулся своей щеки:

— Что-то не так?

Вместо ответа Чжоу Цзыфэй обнял его горячие от домашнего тепла щеки широкими ладонями и с чувством сжал. Руки у него были сильные, крестьянские — Шэнь Цзя аж качнуло, и он поспешно ухватился за рукав его куртки.

— Ты че-го-о? — с трудом промямлил Шэнь Цзя, когда его щеки сжались в забавный бутон.

Чжоу Цзыфэй опустил взгляд. Белоснежная кожа мгновенно розовела под его пальцами, глазачелочки влажно блестели, а губы смешно вытянулись бантиком. В этом растерянном виде Шэнь Цзя выглядел до невозможного трогательным и беззащитным.

Не удержавшись, Чжоу Цзыфэй наклонился и прикусил его за щеку — совсем как дикий волк, прижимающий добычу, но в последний миг сбавивший хватку до ласкового пощипывания.

— Ой! Ты чего кусаешься?!

Шэнь Цзя, вырвавшись, прижал ладонь к влажному следку от зубов и ткнул кулаком Чжоу Цзыфэя в плечо.

— Моё сокровище слишком милое, просто сил нет удержаться, — с улыбкой пробормотал Чжоу Цзыфэй, перехватил его правую руку и поцеловал костяшки.

Шэнь Цзя тут же замахнулся левой. На щеке алел свежий отпечаток, лицо пылало, а сердитый

взгляд не нес в себе ни капли угрозы. У Чжоу Цзыфэя сладко защемило сердце: до чего же хотелось и дальше тискать этого мягкого человека.

— Учитель Шэнь, я посадил Учителя Ли в машину! — донесся издалека голос Цзян Хэ.

Чжоу Цзыфэй неохотно взял себя в руки. Шэнь Цзя поспешно потер щеку рукавом и, опасаясь, как бы гость не заметил следа от зубов, натянул воротник и поглубже укутался в шарф, спрятав вспыхнувшее лицо по самый нос.

Цзян Хэ ничего не заподозрил — решил, что Шэнь Цзя просто мерзнет на сквозняке у подъезда.

После беглого прощания Чжоу Цзыфэй повел Цзян Хэ к своей машине, чтобы отвезти домой.

За время поездки Чжоу Цзыфэй пару раз пытался завязать разговор, но Цзян Хэ отвечал сдержанно. Он держался вежливо, но без малейшего энтузиазма, явно не изъявляя желания откровенничать.

В итоге оставшуюся часть пути они проехали в молчании. Когда машина замерла у нужного дома, Цзян Хэ, до этого смотревший в окно, наконец повернулся.

— Учитель Цзян, мы приехали. И... спасибо за сегодня. Я очень рад, что вы пришли навестить Шэнь Цзя.

На лице Чжоу Цзыфэя играла мягкая улыбка. К людям, которые были дороги Шэнь Цзя, он всегда относился с особым теплом.

Цзян Хэ помедлил. Все эти пятнадцать минут в пути его терзали противоречивые чувства.

Несколько дней назад, когда Чжоу Цзыфэй позвонил ему и представился «спутником Учителя Шэня», Цзян Хэ пытался вообразить, что это за человек. Голос в трубке звучал глубоко, уверенно и очень взросло; о состоянии Шэнь Цзя тот рассказывал откровенно, но сдержанно, и терпеливо отвечал на любой вопрос.

Тогда Цзян Хэ подсознательно готовился к соперничеству. И лишь встретившись с ним лично этим вечером, обомлел: перед ним оказался совсем молодой парень, да еще и с дерзкими крашеными волосами.

Цзян Хэ казалось, что такой человек совершенно не подходит Шэнь Цзя.

Рядом с Учителем Шэнем должен быть зрелый, мягкий, надежный мужчина — тот, кто сумеет и развеселить, и окружить отцовской или братской заботой, да еще и не уступит ему в

привлекательности.

А способен ли этот взбалмошный юноша взять на себя такую ответственность?

С этими мыслями Цзян Хэ разрывался: с одной стороны, он от всего сердца желал Шэнь Цзя счастья, с другой — не мог удержаться от вездливой оценки его избранника.

Но за время ужина все сомнения растаяли без остатка.

За столом рука Чжоу Цзыфэя незримо дежурила возле пиалы с супом, не позволяя Шэнь Цзя обжечься о горячий фарфор. Обжигающие блюда он заботливо студил, к холодным закускам слабым здоровьем Шэнь Цзя даже не подпускал, а едва тот опускал палочки, в его руке уже оказывалась салфетка.

Да и готовил Чжоу Цзыфэй отменно — Шэнь Цзя ел с искренним аппетитом, подчищая всё до последней крошки.

Всю дорогу Цзян Хэ упрямо молчал в капризном детском протесте. В глубине души ему до сих пор было досадно, что этот парень заставил Шэнь Цзя полюбиться именно ему.

Ему казалось, что Учитель Шэнь достоин лучшего. самого лучшего на свете.

Но сколько бы мыслей ни роилось в его голове, главное оставалось неизменным: если Шэнь Цзя счастлив, Цзян Хэ не вправе вмешиваться.

— Господин Чжоу, вы ведь будете беречь его? — перед тем как открыть дверцу, Цзян Хэ внезапно вцепился в рукав Чжоу Цзыфэя. Он смотрел на юношу в упор, и в его суровом тоне сквозила почти отчаянная просьба.

Чжоу Цзыфэй молча встретил его взгляд. В этом вопросе он уловил запрятанную глубоко внутри, искреннюю нежность к Шэнь Цзя.

И от этого осознания его обдало удивительным теплом: оказывается, в этом мире не он один бережет Шэнь Цзя как самое ценное сокровище.

Пальцы Цзян Хэ сжимали его руку с такой силой, словно он не разомкнет их, пока не услышит клятву.

Чжоу Цзыфэй серьезно кивнул и твердо выговорил:

— Обещаю. На всю жизнь.

Цзян Хэ замер, затем медленно разжал пальцы и наконец легко улыбнулся.

— Учитель Шэнь — удивительный человек. Будьте счастливы. Всегда.

Его голос звучал абсолютно искренне. Он выходил из машины с одной-единственной мыслью, ставшей молитвой: Шэнь Цзя обязательно будет счастлив.

Обменявшись с Цзян Хэ еще несколькими фразами, Чжоу Цзыфэй помчался домой. Когда он повернул ключ в замке, в квартире царствовала тишина, нарушаемая лишь тихим бубнением телевизора.

Он на цыпочках подошел к дивану. Шэнь Цзя, как и следовало ожидать, обнял подушку и теперь ритмично клевал носом.

— Эй, сокровище, я вернулся.

Чжоу Цзыфэй тыльной стороной ладони провел по его щеке. Шэнь Цзя вздрогнул, открыл глаза и сонно уставился на парня.

Похлопав ресницами и наконец узнав любимого, он мгновенно подался вперед и уткнулся в него, по-детски ворча:

— Ну почему так долго... Я совсем извелся...

Чжоу Цзыфэй подхватил его с дивана, ласково поглаживая по хрупкой спине:

— Виноват, заставил своего малыша ждать. Пошли купаться.

Шэнь Цзя что-то промурлыкал, уткнувшись носом в его плечо, и остался висеть на нем, точно сумчатый медвежонок. Чжоу Цзыфэй так и понес его сначала в спальню за пижамой, а потом в ванную, где уже клубился пар от горячей воды.

Искупав Шэнь Цзя и усадив его ненадолго в ароматную пену с эфирными маслами, Чжоу Цзыфэй отправился на кухню. Едва он успел вытереть посуду, как из ванной снова раздался зов.

Чжоу Цзыфэй вздохнул, но в этом вздохе не было ни капли раздражения — лишь бесконечная, сладкая нежность.

— Ну что, липучка моя, вылезай.

Он завернул обнаженное тело Шэнь Цзя в пышное полотенце, перенес на постель, подсушил волосы и уже хотел было отлучиться под душ сам, как увидел, что Шэнь Цзя послушно уселся перед фен-щеткой и ждет, пока его расчешут.

Время близилось к одиннадцати, а Шэнь Цзя необходимо было улечься до полуночи, притом строго в обнимку с Чжоу Цзыфэем.

Пришлось уговорить его взять расческу самому, быстро ополоснуться в душе и вернуть долг ухода. К половине одиннадцатого всё было готово.

—...А потом я потрогал животик Учителя Ли. И угадай, что произошло?

Шэнь Цзя сидел на кровати в уютной цыплячье-желтой пижаме с белыми ромашками — фасон Чжоу Цзыфэй выбирал лично. Его голос звучал звонко и беззаботно.

Чжоу Цзыфэй провел пальцами по его шелковистым прядям, выключил фен и с улыбкой спросил:

— И что же?

— Ну угадай!

Шэнь Цзя приподнял подбородок, его глаза сощурились в два лукавых полумесяца, а фарфоровая кожа в свете ночника казалась совсем прозрачной.

Чжоу Цзыфэй аккуратно подпер его подбородок ладонью и с наигранным сомнением протянул:

— Неужели... малыш пнул тебя?

Шэнь Цзя просиял и восторженно прошептал:

— Да! Как ты догадался?!

Улыбка Чжоу Цзыфэя стала еще теплее. Он убрал фен, нагнулся и легко сгреб Шэнь Цзя в охапку, направившись к кровати. Тот привычно обвился вокруг его шеи, продолжая стрекотать прямо в ухо:

— Я даже не ожидал! Учитель Ли сказала, это потому, что я ему понравился.

— Цзыфэй, я только ладонь приложил — а он как ударит!

— Он же еще даже не родился, а сил уже сколько! Эх, надо было спросить Учителя Ли, можно ли и тебе прикоснуться...

Чжоу Цзыфэй опустил Шэнь Цзя на матрас, заботливо укутал его ноги одеялом и, не удержавшись, слегка сжал его талию сквозь мягкую ткань пижамы.

— Раз Учитель Шэнь так любит малышей, не думал родить собственного?

Голос Шэнь Цзя оборвался. Он глубже зарылся в мягкую перину, утопив подбородок в пушистом воротнике, снаружи остались только пылающие щеки да блестящие влагой глаза.

— Я не могу родить... — выдохнул он тихим, тихим шепотом.

Шэнь Цзя подогнул колени, обхватив их руками, и посмотрел на Чжоу Цзыфэя с немой виной и смущением.

От этого взгляда у Чжоу Цзыфэя прервалось дыхание.

Помолчав, он забрался на кровать и прижал Шэнь Цзя к своей груди.

— Не можешь — и не надо, — бархатный баритон прозвучал у самого уха Шэнь Цзя.

Спина Шэнь Цзя ощутила ровное, надежное тепло широкой груди, а его пальцы, сжимавшие голени, накрыла большая, шершавая ладонь. Горячее дыхание щекотало шею. Шэнь Цзя слабо дернулся, но Чжоу Цзыфэй сжал объятия крепче, окончательно заперев его в своих руках.

— Я не понимаю, о чем ты... — Шэнь Цзя уткнулся носом в колени, пряча ярко-алое лицо. Он прекрасно чувствовал, во что упирается его поясница, и от этого кровь прихлынула к щекам с новой силой.

— Не понимаешь? — Чжоу Цзыфэй тихо усмехнулся.

Его пальцы скользнули под край пижамной куртки, касаясь гладкой, горячей кожи. Он медленно погладил плоский, мягкий живот Шэнь Цзя — за последнее время тот немного округлился, и рёбра больше не проступали так болезненно.

Чжоу Цзыфэй наклонился к самой раковине уха и прошептал пониженным, интимным тоном:

— Я спрашиваю, сокровище... не хочешь ли ты подарить своему мужу ребеночка?

Шэнь Цзя судорожно вздохнул, волна смущения накрыла его с головой.

— Нет... не надо...

— Нет? Не хочешь?

Чжоу Цзыфэй мягко перевернул его на спину, накрывая своим телом. Его пальцы настойчиво и ласково заскользили ниже, заставляя Шэнь Цзя трепетать, словно пойманная птица.

— Малыш, тебе сладко?

Чжоу Цзыфэй спросил это внезапно, уводя разговор совсем в другую сторону. Вторая его рука приподняла подбородок Шэнь Цзя, заставляя встретиться взглядами.

— А?.. Что?..

В глазах Шэнь Цзя плескались слезы смущения, он непроизвольно приоткрыл губы.

Большой палец Чжоу Цзыфэя медленно провел по его горячей нижней губе. В его взгляде вспыхнул опасный, ласковый огонек.

— Неужели ты так зажегся только от мыслей о ребенке?

Шэнь Цзя вскрикнул, дернулся и попытался судорожно брыкаться, но Чжоу Цзыфэй ловко прижал его ноги к матрасу, накрывая обоих плотным одеялом.

— Не смей так говорить!..

— Как «так»? Не говорить, что ты весь горишь, или что хочешь родить от меня?

Шэнь Цзя уткнулся лицом в его плечо, окончательно сгорая от стыда. Но властные, невероятно нежные движения Чжоу Цзыфэя не оставляли шанса сбежать.

Каждое прикосновение, каждый шепот превращались в сладкую пытку. Чжоу Цзыфэй убаюкивал его, как капризного котенка, который царапается и мяукает, но бессознательно тянется к теплу. Он был терпелив, точен и невероятно чуток.

Когда Шэнь Цзя уже окончательно лишился сил и готов был погрузиться в небытие, Чжоу

Цзыфэй бережно перевернул его, подложив под поясницу подушку, и приник поцелуем к внутренней стороне его бедра.

Он убрал влажные от пота волосы со лба Шэнь Цзя и заглянул в его помутневшие глаза.

Словно дикий зверь, обучающий своего спутника, Чжоу Цзыфэй шептал ему на ухо самые сокровенные, бесстыдные и прекрасные слова, направляя каждое движение, растворяя остатки контроля.

В угасающем сознании Шэнь Цзя запечатлелась лишь одна мысль: всё, что отдаст ему Чжоу Цзыфэй, он сохранит внутри себя. Навсегда.

Позже, когда Чжоу Цзыфэй попытался обтереть его теплым полотенцем, Шэнь Цзя долго сопротивлялся, пока после нескольких ласковых уговоров не уткнулся носом в его шею, пряча лицо.

— Что с тобой, котёнок? — Чжоу Цзыфэй медленно стирал следы любовных забав, хотя прекрасно понимал причину такой стеснительности.

Шэнь Цзя лежал на нем совершенно обессиленный, распустив темные волосы по его плечам. Только кончики его ушей пылали кумачом.

— Ты... — пробормотал Шэнь Цзя едва слышно.

— А? Не расслышал, повтори, — Чжоу Цзыфэй наклонился ниже.

И тихий, полный стыда и нежности шёпот отчетливо прозвучал у самого уха:

— Ты плохой...

Рука Чжоу Цзыфэя с полотенцем замерла. Эти три простых слова подействовали на него как ушат кипятка — внутри все вспыхнуло, сладостная судорога пробежала по позвоночнику. Он сжал пальцы, утопая в нежной коже Шэнь Цзя.

Острая волна обожания и страсти захлестнула его. Дыхание Чжоу Цзыфэя участилось, он подхватил Шэнь Цзя под мышки, поднял и усадил прямо на край мраморного умывальника.

— Ах!

Шэнь Цзя вскрикнул от неожиданности, когда его голая спина коснулась прохладного зеркала.

Он поднял глаза на Чжоу Цзыфэя — тот смотрел на него взволнованно и хищно, словно изголодавшийся волк, нагнавший свою добычу.

Шэнь Цзя невольно сжал плечи и испуганно ткнул пальцем в его грудь, собираясь спросить, что произошло, но Чжоу Цзыфэй перехватил его запястье и прижал к себе всей тяжестью своего тренированного тела.

Иногда желание Чжоу Цзыфэя по отношению к Шэнь Цзя становилось почти физиологическим голодом.

Когда этот голод просыпался, в горле пересыхало, а зубы начинали чесаться. Если он не мог прикоснуться к Шэнь Цзя, не мог целовать его сладкие губы и гладить шелковистую кожу, жажда сжигала его изнутри, порождая дикую, первобытную потребность — испить этого человека до капли, растворить в себе без остатка.

Шэнь Цзя плакал. Слезы падали на плечи Чжоу Цзыфэя, оставляя обжигающие следы.

Но Чжоу Цзыфэй не мог остановиться.

Он был подобен терпеливому хищнику, загнавшему добычу в глухом заснеженном лесу. Сжимая в объятиях этого дрожащего котёнка, он лишь глухо рычал, насыщая воздух своим запахом, заставляя Шэнь Цзя забыть обо всем на свете.

Он целовал его мокрое от слез лицо — нежно, но с непреклонной силой.

— Хороший мой... еще немного... еще чуть-чуть... — сипло шептал он, удерживая Шэнь Цзя за загривок, но осторожно пряча клыки.

Он смаковал этот пир медленно, не пропуская ни единого уголка, пока Шэнь Цзя окончательно не обмяк в его руках, потеряв опору и превратившись в чистый, доверчивый поток.

В спальне плотно задернутые шторы не пропускали свет, погружая комнату в мягкие полусумерки.

Темно-синее одеяло шевельнулось. На тумбочке валялась брошенная одежда, а из-под края одеяла показалась тонкая белая рука, усыпанная россыпью алых розеток.

На изящном запястье алел отчетливый след от зубов. Рука покружила в воздухе, пока не наткнулась на брюки.

Шэнь Цзя чувствовал, как сильная, горячая ладонь Чжоу Цзыфэя все еще покоится на его бедре. Лицо Шэнь Цзя снова вспыхнуло — от этих властных объятий ему было душно и жарко.

Но ему действительно очень нужно было в туалет.

Подняв глаза, он увидел, что Чжоу Цзыфэй крепко спит. Шэнь Цзя осторожно снял с себя тяжелую, мускулистую руку, перекатился на другой бок и принялся беззвучно натягивать одежду прямо под одеялом. Вспотев и кое-как справившись с кофтой и штанами, он спустил ноги с кровати — и тут же был подхвачен за талию.

— Ты куда, малыш? — раздался сзади хриплый, спросонья голосок Чжоу Цзыфэя. На его предплечьях краснели следы от ногтей, а хватка оказалась такой крепкой, что Шэнь Цзя чуть не ойкнул.

— Отпусти... мне в ванную надо...

Чжоу Цзыфэй ослабил хватку и дал ему встать. Проследив взглядом, как Шэнь Цзя скрылся за дверью, он сел на кровати и натянул домашние штаны. Но не успел он надеть футболку, как из ванной раздался испуганный возглас:

— Цзы... Цзыфэй!

От паники в его голосе Чжоу Цзыфэй босиком помчался на помощь.

— Что случилось?!

Он распахнул дверь. Шэнь Цзя стоял перед унитазом, повернувшись к нему со слезами на глазах.

— Я... я не могу...

Он пытался изо всех сил, но ощущал лишь тупую боль внизу живота. Ничего не получалось, лицо его пылало от напряжения и стыда, а слезы сами капали из глаз.

Чжоу Цзыфэй нахмурился. Он подошел, обнял дрожащего Шэнь Цзя и стал гладить его по спине:

— Ну-ну, тише. Давай я помогу. Почему не получается?

Он мягко прикоснулся к его животу — тот был слегка твердым. Чжоу Цзыфэй прекрасно разбирался в физиологии: ради комфорта Шэнь Цзя он перечитал кучу медицинской литературы. Сейчас он мгновенно понял, в чем дело — ночью они зашли слишком далеко, возник спазм.

В душе вспыхнула вина. Чжоу Цзыфэй отругал себя за недержанность, но не подал виду и ничем не проговорился.

— Все в порядке, просто немного перенапрягся. Не бойся, я помогу.

Его широкая горячая ладонь стала мягко круговыми движениями массировать низ живота Шэнь Цзя.

— Спасибо, Муж... — Шэнь Цзя полностью доверял ему. Он смущенно уткнулся носом в его обнаженную грудь, обжигая кожу теплым дыханием.

Спустя минуту послышалось журчание. Страх отступил, рассудок Шэнь Цзя прояснился, и тут же навалился новый шквал смущения.

Ему тридцать, а Чжоу Цзыфэю на десять лет меньше... И тот ухаживает за ним, как за маленьким! Какое позорище!

Чжоу Цзыфэй действовал абсолютно естественно: сам вытер его, застегнул штаны и подвел совсем раскрасневшегося Шэнь Цзя к раковине — вымыть руки.

Когда они вернулись в спальню, Шэнь Цзя был похож на спелый помидор — даже кончики пальцев порозовели. Ему хотелось провалиться сквозь землю.

Видя его смущение, Чжоу Цзыфэй почувствовал укол невероятной нежности.

— Сокровище, еще рано. Давай еще немного полежим.

Шэнь Цзя послушно прижался к нему. Чжоу Цзыфэй потихоньку пощипывал его за талию — тонкая прослойка кожи там была мягкой, и Чжоу Цзыфэю нравилось тереть ее, как антистресс.

Под одеялом сохранилось уютное тепло. В обнимающих руках Чжоу Цзыфэя Шэнь Цзя чувствовал себя в абсолютной безопасности. Ему казалось, что все поры его тела открылись, впитывая родной запах, и хотелось пролежать так до скончания веков.

Но Чжоу Цзыфэй не мог расслабиться до конца. Он все думал про слова Шэнь Цзя о ребенке.

Когда дело касалось здоровья Шэнь Цзя, Чжоу Цзыфэй не позволял себе упустить ни единой детали. Даже в случайной фразе он пытался разглядеть глубинный смысл.

— Расскажи мне, о чем вы еще говорили с Учителем Ли? — непринужденно спросил он.

— Да ни о чем особенном... Цзыфэй... — Шэнь Цзя повернулся к нему и снизу вверх посмотрел в глаза. — Как ты думаешь... если бы у меня был ребенок, я был бы хорошим родителем?

— Конечно! Ты такой мягкий, терпеливый. Ты бы стал замечательным отцом.

Шэнь Цзя просиял, показав ровные белые зубы:

— Правда? Я тоже так думаю!

— Если бы у меня был малыш, я отдавал бы ему всё самое лучшее на свете. Каждую ночь пел бы колыбельные, рассказывал сказки, возил бы везде-везде... На день рождения дарил бы самые продуманные подарки. А если бы его обижали в школе — я бы первым побежал его защищать!

— Я бы не требовал от него быть гением. Главное — чтобы был здоров и счастлив. Я бы каждый день говорил ему: «Малыш, я так сильно тебя люблю...»

Его голос стал тише. Длинные ресницы опустились, отбрасывая тени на щеки.

Мечты останутся лишь мечтами.

В этой внезапно возникшей тишине Чжоу Цзыфэй вдруг остро осознал всё, что осталось невысказанным.

Эта трепетная любовь к детям рождалась из его собственного искалеченного детства. В каждом обожаемом ребенке Шэнь Цзя пытался разглядеть ту материнскую ласку, которой сам был лишен.

Его собственное сердце было изранено, но он все равно хотел отдать миру то тепло, которого никогда не получал.

У Чжоу Цзыфэя сжалось горло от горькой жалости.

За что ему досталось такое сокровище? И почему судьба была к нему так жестока?

Он крепко сжал Шэнь Цзя в объятиях, сглатывая подступивший комок.

— Малыш... Ты хочешь родить не ребенка. Ты просто хочешь заново вырастить самого себя.

Эти слова, произнесенные тихим, бархатным шепотом над самым ухом Шэнь Цзя, прозвучали как раскат грома.

— Учитель Шэнь, ты говоришь, что любишь детей... А любишь ли ты того маленького мальчика, которым был сам?

Еще один удар. В голове Шэнь Цзя образовалась звонкая пустота, и слезы сами собой хлынули из глаз.

Любил ли он себя прежнего?

Нет. Он ненавидел того ребенка.

Ненавидел за то, что тот забивался в угол и дрожал, когда Шэнь Цяньлун распускал руки. Ненавидел за то, что в ночь, когда ушла Лу Хэ, тот даже не смог заставить себя крикнуть: «Мама, не уходи!». Ненавидел за то, что, сидя в темном подвале, глупо надеялся на отцовскую любовь и терпя боль, глотал обиды.

Он презирал ту детскую слабость, ненавидел свои вечные слезы и проклинать готов был свою дурацкую привычку прощать обидчиков.

Каждый раз в ночных кошмарах он смотрел на того маленького мальчика с холодным презрением, будто все беды происходили только из-за его существования.

— Я... — Горло перехватило, Шэнь Цзя не мог вымолвить ни слова.

— Будь справедлив к себе, сокровище. Любя других детей, посмотри и на того мальчика, которого ты так долго ненавидел, хорошо? — Чжоу Цзыфэй погладил его по голове, отдавая всё тепло своего сердца. — Он ведь тоже был всего лишь ребенком. Ему тоже нужны были понимание, ласка и любовь. Попробуй обнять его.

Шэнь Цзя зарыдал в голос. Сквозь слезы ему показалось, будто перед ним стоит худенький, испуганный мальчик.

Шэнь Цзя невольно опустил на корточки и спросил:

— Что с тобой?

Маленькое, измазанное слезами личико поднялось к нему, ребенок всхлипнул:

— Папа и мама меня не любят... Я никому не нужен.

Шэнь Цзя замер. Обвинительные слова застряли в горле и сменились дрожащим шепотом:

— Неужели... ты сам ни в чем не виноват?

Мальчик посмотрел на него точно такими же глазами и тихо, словно шуршание листьев, проговорил:

— Извини... Я правда очень старался, но ничего не смог изменить. Может, у тебя взрослого получится лучше?

Шэнь Цзя годами мучился вопросом: «Что, если бы я поступил иначе?». Но время вспять не повернешь.

Эти слова словно взломали старый замок на его памяти.

Он забыл. Забыл, что тогда, в крошечной тьме, тот ребенок сделал всё, что было в его слабых детских силах.

Он обвинял ребенка в слабости, забыв, что тот жил лишь одной наивной надеждой: если стараться сильнее, всё наладится.

На самом деле, прежде чем прощать врагов, ему нужно было простить... самого себя.

Кто-то мягко подтолкнул Шэнь Цзя в спину. Он оглянулся — сзади стоял Чжоу Цзыфэй, смотря на него с безграничной верой.

— Он тоже был ребенком, малыш. Ему нужна твоя любовь.

Шэнь Цзя повернулся к мальчику, протянул дрожащие руки и крепко обнял маленькое тело, навзрыд шепча:

— Прости меня... Прости, что я так долго винил тебя. Ты ни в чем не виноват. Ты был большим молодцом...

Шэнь Цзя уткнулся в плечо Чжоу Цзыфэя, содрогаясь от рыданий. Слезы насквозь промочили футболку парня, но Чжоу Цзыфэй ничего не спрашивал — он лишь бережно целовал мокрые щеки, смывая древнюю боль.

Научиться верить, что ты достоин любви — долгий и трудный путь. Но теперь у Шэнь Цзя был тот, кто готов пройти этот путь вместе с ним, шаг за шагом.

На тумбочке зажужжал телефон. Экран высветил два новых сообщения. Одно от контакта «Лу Хэ», второе — с незнакомого номера.

[Сообщение от: □□]

«Цзяцзя, мы можем встретиться и поговорить? Я уже обо всём узнала».

[Сообщение от: Неизвестный номер]

«Шэнь Цзя, это Юй Сянхан. Нам нужно увидеться. У меня к тебе важный разговор».

<http://bllate.org/book/19971/1986073>